

Гарри Поттер сидел в кресле перед пустым камином в гостиной Гриффиндора и лениво листал один из старых журналов Рона по квиддичу. Его мысли не были заняты лежащей перед ним статьей. Оставив Рона и Гермиону одних в больничном крыле, он не знал, чем бы заняться, чтобы отвлечься от событий прошлой ночи. Он не хотел сталкиваться с ужасной правдой о состоянии Гермионы, и хотя рациональная часть его разума знала, что рано или поздно ему придется иметь с этим дело, эмоциональная сторона его была вполне счастлива убедиться, что ключевым словом было «позже». ."

Прошло несколько часов с тех пор, как он оставил своих друзей. Сначала он взял свою метлу на поле для квиддича и попытался погрузиться в радость полета, но на этот раз чувство возбуждения, которое он обычно испытывал в воздухе, ускользнуло от него, и он не смог насладиться катарсическим эффектом, который он испытал. Через некоторое время он, наконец, прекратил то, что быстро становилось бесполезным занятием, и направился в гостиную.

Где он все еще чувствовал себя явно некомфортно.

Вздыхнув, он отбросил журнал в сторону и встал, чтобы уйти, но, направляясь к portalу, услышал стук в окно. Обернувшись, он заметил знакомую маленькую сову, которая, казалось, прыгала вверх и вниз, так горела ее готовность передать послание, прикрепленное к ее лапке.

Свинья.

Это, вероятно, означало письмо от Джинни, понял он и на мгновение заколебался, прежде чем направиться к окну, чтобы пропустить маленькую сову. Войдя в комнату, Свин гордо передал сообщение и поспешил к миске с водой в углу, как только Гарри забрал послание. С чувством покорности он снова сел в то же кресло, развернул пергамент и стал читать.

Привет, Гарри,

Я надеюсь, вы не возражаете, что я пишу вам, когда вы заняты МакГонагалл, но я не мог дожидаться вашего возвращения в Нору, чтобы сказать вам то, что, по моему мнению, вам нужно услышать. Я скучаю по тебе, Гарри. Я предпочитаю не верить, что между нами все кончено - я понимаю, что в последнее время вы находились под огромным давлением и что ваше поведение отражает это. Я верю, что нам предназначено быть вместе, и что все будет хорошо, если мы просто дадим ему немного времени и поговорим друг с другом. Я здесь для тебя, если я тебе для чего-нибудь понадоблюсь.

С другой стороны, не могли бы вы рассказать мне, что вы делаете? Я думаю, МакГонагалл берет на себя смелость, заставляя тебя вернуться в Хогвартс так скоро после битвы. Я знаю, вы сказали, что она настаивала на секретности, но мне действительно любопытно. Я надеялся, что после всех секретов последних нескольких лет вы, возможно, захотите поделиться со мной вещами. Я говорю это не для порицания; Я говорю это только для того, чтобы вы знали, что я здесь ради вас и что вам не нужно терпеть ваше бремя больше не в покое. Я знаю, что Рон и Гермиона всегда были рядом с тобой, но теперь, когда они наконец проснулись и сделали то,

что должны были сделать давным-давно, я надеялся, что ты позволишь мне поделиться своими мыслями. Я надеюсь, ты понимаешь это — понимаешь, что я хочу быть только тем, к кому, по твоему мнению, ты можешь обратиться сейчас, когда Рон и Гермиона есть друг у друга.

Тем не менее; Я не писал вам, чтобы поучать или делать выговор. Я просто хотел, чтобы ты знала, что я скучаю по тебе и думаю о тебе.

Заботиться

Любовь

Джинни

Гарри не торопился читать письмо, и когда он закончил, он перечитал его. Он почувствовал, как его губы скривились в гримасе, когда он снова прочитал ее прощальные слова.

Любовь.

Он знал, что был несправедлив к ней и что сейчас она будет чувствовать себя пленницей в Норе. Семья Уизли все еще переживала потерю Фреда, и он вообразил, что атмосфера в коттедже, должно быть, невыносима. Уходя, он сказал ей, что МакГонагалл хочет поговорить с ними тремя о деликатном вопросе и что он не может разглашать это ей.

Но, несмотря на жалость к ней, он также знал, что Джинни обманывала себя. С каждым днем он все больше и больше убеждался, что покончить с ней было правильно. Не просто, а правильно.

Он понимал ее разочарование, но знал, что не должен оставлять места для двусмысленности. Он также знал, что не может рассказать ей, что происходит, или настоящую причину, по которой он был в Хогвартсе. Во-первых, этот секрет должен был раскрыть не он, а Гермиона, если и когда она будет готова. А во-вторых, у него было странное ощущение, что Джинни нельзя полностью доверять информации. Не то чтобы он думал, что она против оборотня или что-то в этом роде; просто он не думал, что она всегда была полностью осторожна.

Со вздохом он встал, нашел на столе пергамент, чернила и перо и снова сел, на этот раз на диван, прежде чем сформулировать свои мысли и начать писать.

Привет, Джинни,

Конечно, я не возражаю, если ты напишешь мне — всегда приятно получить известие от друга. Но мне нужно повторить то, что я сказал вам в Норе; мы больше не вещь - мы просто друзья (надеюсь). Я могу только еще раз сказать, как мне жаль, что я причинил тебе боль, потому что это никогда не было моим намерением, но я думаю, что в долгосрочной перспективе я

причинил бы тебе больше боли, если бы сейчас был с тобой чем-то другим, кроме как полностью честным.

Я не верю, что нам суждено быть вместе. Мне жаль.

Что касается вашего другого вопроса; что мы делаем в эту минуту, не мне говорить. Я подозреваю, что рано или поздно вы узнаете, что происходит, но решение принимать не мне. Когда вы узнаете, вы поймете, я надеюсь.

Заботиться

Ваш друг

Гарри

Он задумчиво положил перо. Он колебался, прежде чем написать последнее мнение, но решил, что не пишет ничего неуместного или ложного. Довольный своим выбором слов, он свернул письмо и направился к Пигу.

«Готовы к другому путешествию?» — спросил он маленькую сову. Сова Сириуса, с грустью вспомнил он.

В ответ Свин тихо ухнул и протянул ему ногу, чтобы прикрепить письмо. Как только это было сделано, он отнес маленькую птичку к окну, прежде чем мягко осознать его. Когда он повернулся, то с удивлением увидел, что он не один в комнате.

— Отправка писем домой? — спросила Гермиона с кривой улыбкой.

Он улыбнулся в ответ. «Да; Я просто отвечаю Джинни. Она говорит, что скучает по мне — по нам, — поспешно добавил он. Он увидел беспокойство на ее лице и помедлил, прежде чем продолжить. «Она также спрашивает, чем мы занимаемся».

Он проклинал себя, когда выражение ее лица помрачнело. «Мне жаль»

— Не извиняйся, Гарри. Это не твоя вина, — перебила она. Вздохнув, она села на кожаный диван рядом с собой и хлопнула по сиденью рядом с собой, приглашая его присоединиться к ней. Когда он сел, они несколько минут сидели молча, прежде чем она снова заговорила.

«Я знаю, что рано или поздно мне придется рассказать об этом людям, но я хочу сделать это на своих условиях. Я думаю, что мне нужно сделать это лицом к лицу. Вы можете это понять?

`Абсолютно. Я уже сказал Джинни, что это не моя история.

Она благодарно улыбнулась его замечанию. `Спасибо. Мне пришлось долго объяснять это Рону, но в конце концов он понял».

`Где Рон?' — спросил Гарри, наконец осознав, что его друг отсутствует.

`На кухнях. Где еще?' — ответила она с улыбкой. Гарри тоже улыбнулся.

`Как ты?' — мягко спросил он. «Я беспокоюсь о тебе».

`Я знаю, что ты. Я чувствую это, — ответила она, приложив руку к груди, и он был поражен этой новостью.

«Ты чувствуешь это? Как? Каким образом?» — выпалил он и тут же пожалел о вопросе. `Вы не должны отвечать на это. Извиняюсь. Я не должен был спрашивать об этом, — сокрушенно добавил он.

Она улыбнулась его неловкости. `Не беспокойтесь об этом. Мне трудно объяснить. Мои чувства просто... обострились, если ты понимаешь, о чем я? Я просто стал больше осознавать свое окружение. Мой слух и особенно обоняние кажутся более развитыми. Я могу использовать их, чтобы видеть вещи, которые не видят мои глаза».

Ее голос слегка дрогнул, когда она сказала это, и Гарри понял, что она пыталась сделать храброе лицо для его же блага. — Ты так и не ответил на мой первый вопрос, — мягко сказал он.

«Какой вопрос?»

`Как ты?'

Она воспользовалась моментом, чтобы ответить на это. «Справляюсь», — наконец смогла выдать она. «Просто справиться».

Он не ответил; вместо этого он обнял ее за плечи и крепко прижал к своей груди. Долго ни один из них не говорил; он довольствуется тем, что держит своего друга, она довольствуется тем, что укрывается в его объятиях. Он обнаружил, что наслаждается этим ощущением, и был удивлен, когда она внезапно вырвалась из его рук.

— Прости, — выпалил он, чувствуя себя так, как будто что-то сделал не так. `Я был джу-`

«Все в порядке, Гарри. Это не ты, — перебила она и кивнула на портал. Он обернулся, сбитый с толку, когда его глаза ни на что не упали. Он хотел повернуться, чтобы спросить ее, что происходит, как вдруг дверь в портретную дыру распахнулась, и в комнату вошла профессор МакГонагалл.

Теперь он повернулся лицом к своему другу, и на его лице было ясное изумление. Он сразу понял, что она, должно быть, почувствовала приближение Минервы, и он также увидел, что она выглядела неловко под его пристальным взглядом. Он вдруг понял, что она приняла его удивление за ужас. Он успокоительно улыбнулся.

«У вас очень полезный талант», — мягко сказал он и заметил ее удивление по поводу его комментария. «Только подумайте о том, какие шалости мы можем устроить, если вы будете на страже», — добавил он, и его сердце наполнилось, когда он увидел, как она обдумывает его слова и медленно улыбается, когда он принимает ее странный новый «подарок». Он мягко сжал ее руку.

— Все будет хорошо, — мягко добавил он, прежде чем обратить внимание на Минерву. В результате он не увидел внезапный румянец удовольствия, пробежавший по лицу его самого дорогого друга.

Минерва МакГонагалл беспокоилась. Когда она подошла к портрету Толстой Дамы, в голове у нее пронеслось все, что произошло за последние несколько дней. Едва она успела смириться с поражением Лорда Волан-де-Морта, как на нее напала беда, поразившая бедную Гермиону, и она изо всех сил пыталась справиться со всем этим. Прошедший месяц был, мягко говоря, насыщен событиями. Битва и ее последствия были ошеломляющими, как и осознание того, что так много друзей и учеников погибло в этой последней отчаянной битве. Ее новая роль директора оказалась более требовательной, чем она думала, и она знала, что на ее обычно суровом фасаде начали появляться трещины. Испытание, с которым теперь столкнулась Гермиона, было еще одним бедствием, с которым нужно было справиться, и в настоящий момент она чувствовала, что пытается потушить огонь чайной ложкой воды. Что бы она ни делала, все, казалось, шло не так.

С этой последней неудачей было особенно трудно справиться. Несмотря на то, что ей нравилось вести себя отчужденно и сурово, она знала, что в глубине души она была довольно сентиментальной личностью, и считала, что во многом это связано с кельтской кровью в ее жилах. Хотя она и была ведьмой, она все же была гордой шотландкой и могла смеяться и плакать вместе с лучшими из них. Вот почему у нее было так много проблем в данный момент.

Если бы кто-нибудь когда-нибудь спросил ее, она решительно отрицала бы, что у нее когда-либо были фавориты среди тех, кого она учила на протяжении многих лет. Ее сурового и отчужденного поведения было достаточно, чтобы убедить любого, что в ее сердце нет места для таких чувств.

Убедить кого угодно, кроме меня, подумала она.

Гарри Поттер был бы фаворитом, даже если бы он не был прекрасным молодым человеком, которым он был. Любой сын Джеймса Поттера и Лили Эванс навсегда останется в ее сердцах просто потому, что эти двое были одними из самых дорогих людей, которых она знала за свою долгую жизнь. Ее сердце плакало от испытаний, которые выпал на долю Гарри, и она всегда присматривала за ним, даже в тех случаях, когда ей приходилось делать ему выговор. Гарри Поттер определенно был одним из ее фаворитов.

Но Гермиона Грейнджер была ее любимицей. Всегда. Она многое узнала в юной ведьме, рожденной маглom, и с самого начала полюбила девушку. Независимый, умный, решительный, яростно преданный и честный. Гермиона Грейнджер была просто одним из самых порядочных людей, которых она когда-либо встречала. Ей и в голову не приходило, что эти чувства были взаимны. Что Гермиона Грейнджер чувствовала то же самое по отношению к Минерве МакГонагалл и по тем же причинам, но скромность была качеством, которое они разделяли.

Поэтому, когда она узнала о масштабах проклятия Гермионы, она была ближе к разрушению, чем когда-либо в своей жизни. Ни восстание Волдеморта, ни даже смерть Альбуса потрясли ее так, как эта последняя катастрофа. Итак, она решила сделать все, что в ее силах, чтобы помочь, и именно с этой мыслью она подошла к портрету Полной Дамы.

— Победа, — коротко сказала она, и когда портрет распахнулся, она вошла в коридор, не сбавляя шага. Дойдя до общей комнаты, она поймала себя на том, что улыбается, увидев, что два студента, о которых она больше всего думала, разделяли момент уединения. На лице Гарри отразилось изумление, и она увидела, как он повернулся к Гермионе и сказал шепотом несколько слов. Ей было особенно приятно видеть, как он мягко сжал ее руку и улыбнулась, что это вызвало у Гермионы. Она обнаружила, что ей нужно собраться, прежде чем говорить.

В такие моменты человек узнает, кто его настоящие друзья.

«Добрый день вам обоим. Я надеялась найти вас здесь, особенно вас, мисс Грейнджер, — сказала она отрывистым голосом. Ей потребовалась вся сила воли, чтобы сохранить видимость.

— Здравствуйте, профессор, — ответила Гермиона. — Зачем тебе нужно меня видеть?

Прежде чем продолжить, Минерва села напротив двух своих учеников. «Мне удалось разыскать записи Северуса о том, как варить Волчье зелье», — ответила она. «Хотя рецепт обычно доступен для чтения, зелье является одним из самых сложных в приготовлении; настолько сложно, что не многие хотят попробовать. Эти заметки бесценны. Северус был, пожалуй, величайшим мастером зелий нашего времени.

Реакция на ее слова была предсказуема. Оба подростка выпрямились, широко раскрыв глаза.

«Как?»

«Где?»

Минерва улыбнулась. `Один за раз. По одному, — ответила она. Она слегка откинулась на спинку стула. «Я вспомнила, что у Северуса был запас зелья», — объяснила она. Так что я хорошенько прошерстила его старую темницу и сумела найти его записи на дне комода. Северус, вероятно, варил его так часто, что ему больше не нужны были ноты.

`Снейп?' — спросил Гарри. «Почему ему приходилось варить его так часто?»

Минерва подавила еще одну улыбку, увидев, как Гермиона закатила глаза на вопрос. «Если бы вы слышали о Кодексе поведения оборотней 1637 года, вы бы поняли. Ты слышал об этом, Гарри? — спросила она у подруги, не надеясь на положительный ответ.

Гарри обдумал вопрос. `Как это случилось, у меня есть. Это регулирующий акт для оборотней, хотя и немного противоречивый. Насколько я помню, в нем точно не указано, является ли оборотень зверем или существом из-за разделения обязанностей отдела магических существ. Их захват и регистрация осуществляется подразделением Зверей, но их поддержка осуществляется Отделом Бытия. Однако я не понимаю, какое это имеет отношение к волчьему зелью Снейпа.

Обе женщины взволнованно уставились на замечания Гарри, прежде чем обменяться взглядами. Обeim пришло в голову, что это должно быть недавнее знание, потому что обе женщины знали, что Гарри Поттер просто не слушал на уроках истории магии. Минерва почувствовала, как ее решимость еще больше ослабла, когда она поняла, что он, должно быть, обратил на это внимание, когда узнал, что его друга укусили. По влаге в глазах Гермионы она могла сказать, что она тоже ценит то, что Гарри делает для нее.

«Это относится к Северусу, потому что часть полномочий Отдела создания магических существ состоит в том, чтобы оказывать поддержку оборотням. Эта поддержка включает в себя поставку Волчьего зелья, — ответила Минерва.

`Итак?' — спросил Гарри.

Обе женщины снова закатили глаза.

«Значит, Северус Снейп был, вероятно, самым одаренным мастером зелий в нашем мире», — ответила Минерва. «Министерство несет ответственность за то, чтобы у оборотней был достаточный запас волчьего зелья. Северус готовил их каждый месяц.

Гарри согласился с этим, вспомнив, насколько улучшилось его собственное зельеварение после того, как он получил книгу Принца-полукровки. «Это отличные новости», — наконец ответил он.

— Это правда, мистер Поттер. Хотя мы не можем помочь мисс Грейнджер в этом месяце, я сделаю все возможное, чтобы свежая партия была приготовлена к следующему месяцу. Она повернулась к Гермионе. «Это не идеально, но должно помочь».

Гермиона кивнула в знак благодарности. «Значит, я... я могу держать себя в руках?» она спросила.

Минерва кивнула. «Если это сработает, вы останетесь под контролем. Ты все равно трансформируешься, но я убежден, что последствия не такие... серьезные. Выражение ее лица смягчилось. «Я хотел бы сделать больше, но это лучшее, что я могу сделать на данный момент».

Гермиона кивнула. «Вы сделали более чем достаточно. Меня очень беспокоит отсутствие контроля. Если я смогу сохранить свое сознание, я думаю, что смогу вынести это».

— Хорошо, — резко ответила Минерва. «Я позабочусь о том, чтобы в следующем месяце для вас было достаточно зелья. А до тех пор нам придется просто сражаться, — добавила она, прежде чем повернуться и направиться к портретному отверстию. Однако ее продвижение было остановлено.

"Профессор?"

Минерва остановилась и повернулась на голос. — Да, мистер Поттер?

— Раз уж мы заговорили о... болезни Гермионы, не возражаете, если я кое-что спрошу?

«Давай».

«Теперь очевидно, что Сивый полностью изменился, когда укусил Гермиону. Мой вопрос прост; как? В ту ночь не было полнолуния. Он не должен был трансформироваться. Так как же он это сделал?

Долгое молчание приветствовало этот вопрос, прежде чем Минерва наконец ответила. — Понятия не имею, Гарри. Как и Гермиона. Мы обсудили это между собой и пока не придумали объяснения. Если бы не тот факт, что Гермиона действительно полностью проклята, я бы не поверил, что это возможно».

Гарри на мгновение задумался. `Он сбежал, не так ли? Грейбэк, я имею в виду. Он ушел?'

«Конечно, после битвы мы так и не нашли его ни живым, ни мертвым», — ответила Минерва. «Таким образом, следует предположить, что он действительно сбежал».

Гарри выглядел мрачным. «Нам нужно найти его. Мне нужно найти его.

`Вы не должны делать ничего подобного!' — воскликнула Гермиона. «Не кажется ли вам, что вы уже сделали достаточно? Министерство должно найти его, а не вы. Не смей искать его,

Гарри! Она практически кричала, когда говорила это.

Гарри был удивлен страстностью ее слов, и когда он взглянул на Минерву, она тоже казалась немного ошеломленной. Однако вскоре она выздоровела.

— Должен сказать, Гарри, что я совершенно согласен. Greyback чрезвычайно опасен, и вы не обязаны охотиться на него. Это должно быть предоставлено аврорам.

«Если они все еще заинтересованы», ответил Гарри. «Кингсли будет достаточно на его тарелке. Если Грейбэк разумен, он немного затаится, и Министерство на данный момент проигнорирует его. И я думаю, нам нужно найти его раньше, чем они.

«Почему?» — спросила Гермиона, которая, казалось, немного успокоилась.

«Потому что у авроров будет приказ стрелять на поражение, если потребуется», — тихо ответил Гарри. «Мы не можем позволить этому случиться. Его нужно взять живым, чтобы мы могли его допросить. Мы должны выяснить, как он может трансформироваться по своему желанию.

— Это действительно так важно, Гарри? — спросила Минерва. «Хотя мне тоже очень любопытно, я не хочу рисковать тем, что кто-то пострадает, настаивая на том, чтобы взять его живым».

Гарри задумчиво посмотрел на своего учителя и друга. Он мог сказать по тому факту, что Гермиона замолчала, что она полностью поняла, откуда он взялся, поэтому он был удивлен, что Минерва не сделала рывок. «Это так важно. Если он может превратиться в полностью сформированного оборотня по желанию, то само собой разумеется, что он может измениться и обратно. В ту ночь его видели в обеих формах. Что, если он сможет сделать это в полнолуние? Что, если он обнаружил, как контролировать свою ликантропию?

Директриса ахнула. «Невозможно, Гарри. Грейбэк никогда бы не смог достичь такого подвига. Некоторые из лучших ведьм и волшебников годами безуспешно изучали этот предмет. И Дамоклу Белби потребовались годы, чтобы придумать волчье зелье, и это считается самым значительным прорывом в этой области. Грейбэк не мог этого добиться.

«Возможно, нет», ответил Гарри. — Но Волдеморт мог. Вот почему нам нужно найти Грейбека. Он может быть тем, кто сможет помочь Гермионе. Говоря это, он повернулся к своей самой близкой подруге и впервые за долгое время увидел искреннюю улыбку на ее лице, когда истина его слов достигла цели.

На этот раз дела пошли в гору.

Рон Уизли сидел на своей кровати в общежитии седьмого курса и смотрел в окно, его глаза

были устремлены на сияние полной луны. Он знал, что Гарри тоже не спал, но ни один из них, казалось, не был в настроении для обсуждения в данный момент, и он должен был признать, что был доволен, что это так. Они снова сопровождали Гермиону в ее камеру, но снова были вынуждены стоять снаружи в коридоре и ждать худшего.

Но, по крайней мере, теперь была причина для надежды.

Он знал Гермиону. Действительно знал ее. В то время как они ссорились и спорили на протяжении многих лет, нельзя было отрицать уважение, которое они питали друг к другу - отношение, которое переросло в то, о чем он давно мечтал, но никогда не надеялся достичь. Он знал о ее уме, сострадании, честности и преданности. Но он также знал, что она помешана на контроле. Что она ненавидела, когда что-то нельзя было объяснить с помощью логики и разума.

И он считал, что из всех проблем, с которыми сталкивался человек, будучи проклятым, как она, отсутствие контроля было бы для нее самой трудной проблемой. В этом отношении он был более чем кто-либо благодарен за то, что Минерва нашла записи Снейпа о приготовлении зелья. Хотя он не думал, что когда-нибудь сможет простить Снейпу годы ада в Хогвартсе, он мог, по крайней мере, признать, что обладание этими записями означало, что их шансы на успешное приготовление эффективного зелья значительно увеличились.

Он вздохнул и откинулся на подушку. Когда он вспомнил ее ответ на его вопрос в лазарете, то почувствовал легкую тревогу. Она поразила его своей краткой демонстрацией своих новых способностей, и, если быть честным с самим собой, он должен был признать, что это его немного напугало. Он верил, что любит Гермиону, но знал, что перспектива иметь девушку, которая буквально чувствует каждое его настроение, немного обескураживает. Не то чтобы ему было что скрывать; скорее дело было в том, что он считал, что каждый имеет право на какие-то секреты и думал, что она узнает, когда он нервничает или беспокоится или - ну; что-нибудь на самом деле - вызвало у него некоторую тревогу.

Что она тоже сможет ощутить, подумал он с грустной улыбкой.

Он имел в виду каждое слово, когда сказал ей, что ее состояние ничего не меняет. Он знал, что проклятие было не по ее вине; что она оставалась Гермионой, несмотря на изменения, с которыми сталкивалась каждый месяц. Он также знал, что ему нужно будет внести некоторые коррективы для нее, но он не возражал. Она была его девушкой, и ему нужно было приспособиться.

Но как далеко вы готовы зайти? — спросил неприятный голосок в его голове. Что, если она не сможет приспособиться?

Он резко сел и проклял себя за такие мысли. Он знал, что это ключевой вопрос.

Что, если мы не сможем приспособиться друг к другу?

`Ты в порядке, приятель?'

Рон повернулся к источнику вопроса, испуганное выражение на его лице исчезло, когда он увидел, что Гарри смотрит на него с беспокойством.

— Просто ты немного шевельнулся... внезапно, вот и все, — продолжил Гарри.

Рон улыбнулся. `Я в порядке. У меня просто много мыслей».

Гарри улыбнулся в ответ. — Я знаю, что вы имеете в виду, — ответил он. — Именно то, что ты имеешь в виду, — мягко добавил он. Минута молчания прошла, прежде чем Гарри продолжил. «Завтра я возвращаюсь на площадь Гриммо».

Рон выпрямился. `Вы? Почему? У Гермионы еще есть ночь!

Гарри поморщился. — Я знаю это, идиот. Но мы ничего здесь не достигаем, не так ли? Мы не можем ей помочь, когда она в подземелье, и я чувствую, что мешаю ей».

`В пути чего?' — спросил Рон.

Гарри закатил глаза. «На пути к тебе и Гермионе. Вам нужно некоторое время вместе наедине без меня быть третьим лишним. Вам двоим придется кое-что уладить.

Рон покраснел. `О! Верно. Это... да. Верно.' На мгновение он задумался. `Вы уверены? Она и твой друг тоже.

«Я знаю. Но она твоя девушка. Поверь мне, Рон; вам нужно время наедине вместе. Вот почему я ухожу — чтобы дать вам это время.

Гарри увидел, как его слова наконец дошли до его друга, и увидел, как Рон кивнул, соглашаясь с логикой. Решив, что он не в настроении для дальнейшей болтовни, он отвернулся от друга и посмотрел в окно, надеясь, что Рон не напортачит с Гермионой и снова не причинит ей вреда. Его сердце было в правильном месте, но слишком часто его мозг был в самоволке.

Он принял решение уйти несколькими часами ранее и надеялся, что Гермиона поймет, когда он скажет ей об этом утром. Дело было не в том, что он хотел пойти, а в том, что ему нужно было пойти ради своих друзей. Он действительно мешал, так как они с Гермионой проводили вместе так много времени, что это, должно быть, повлияло на Рона.

Он подозревал, что Гермиона поймет его мотивы. Он улыбнулся про себя. Теперь, когда у нее появились новые дары, она, вероятно, смогла бы понять о нем гораздо больше. Это был аспект ликантропии, о котором он никогда не задумывался, о котором Ремус никогда не говорил, и он

обнаружил, что благоговеет перед новыми талантами Гермiony. Если и было что-то хорошее — какая-то серебряная подкладка в случившейся катастрофе, то это, безусловно, новые способности Гермiony. Уметь чувствовать, что чувствуют люди; способность «читать» их и понимать их, а также использовать это понимание, чтобы помочь им, была замечательной вещью, по его мнению. Хотя он с готовностью признал бы, что цена этого дара была слишком высокой, он все же верил, что Гермiona относится к тому типу людей, которые могут использовать свои таланты, чтобы помогать другим.

У меня не будет от нее секретов! Он улыбнулся этой мысли, понимая, что это может еще больше приблизить его к дорогому другу. Она всегда умела читать его настроение, но теперь она сможет делать это с легкостью, и эта мысль успокаивала его. Случившееся было катастрофой, в этом не было никаких сомнений. Но если бы он мог уцепиться за хоть одну кроху утешения, то это было бы это; тот факт, что ее ликантропия может углубить его дружбу с ней.

С этой утешительной мыслью мрачной ночью он откинулся на спинку кровати и закрыл глаза, прежде чем уснуть.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539875>